

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М.АКМУЛЛЫ**

**XVIII УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
СОВЕЩАНИЕ:
культурные области, археологические
культуры, хронология**

*Материалы XVIII Уральского археологического совещания
(11 – 16 октября 2010 г.)*

Уфа 2010

УДК 351.075
ББК 251
У 21

*Печатается по решению функционально-научного совета
Башкирского государственного педагогического университета
им.М.Акуллы*

XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология : материалы XVIII Уральского археологического совещания. [Текст]. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 366с.

Материалы XVIII Уральского археологического совещания отражают многообразие исследований по актуальным вопросам археологии и смежных дисциплин Волго-Уральского региона. Тематика докладов отражает широкий спектр вопросов, касающихся существования археологических культур во времени и пространстве Волго-Уральского региона с древности до эпохи средневековья.

Для специалистов в области археологии, специалистов смежных дисциплин, аспирантов и студентов, специализирующихся по археологии, древней истории, палеодемографии и этнографии

*Организация XVIII Уральского археологического совещания и издание материалов осуществлены при финансовой поддержке проекта
РГНФ №10-01-14004г Научная конференция с международным
участием «XVIII Уральское археологическое совещание: культурные
области, археологические культуры, хронология»*

Научные редакторы
Г.Т.Обыденнова, д.и.н.;
В.А.Иванов, д.и.н.;
В.С.Горбунов, д.и.н.;
В.В.Овсянников, к.и.н.;
В.Г.Котов, к.и.н.;
Н.С.Савельев, к.и.н.;
И.А.Шутелева, к.и.н.;
Н.Б.Щербаков, к.и.н.

ISBN 978-5-87978-641-5

© Изд-во БГПУ, 2010

ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ ИЗ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА I-V ВВ. Н.Э.

В материалах раннесредневековых памятников Прикамского региона довольно часто встречается такая категория находок как слитки цветного металла. Встречаются они и в могильниках, и на поселениях. Чаще всего это палочки-дроты примерно одинаковой длины и веса, иногда их находят в виде скоплений. Интерпретируют эти предметы как заготовки для изготовления различных украшений или, в силу стандартности этих слитков, как денежный эквивалент. Но в материалах Тарасовского могильника имеется слиток металла отличный от вышеуказанных. Можно сказать, что он уникален, так как подобных находок на территории Прикамья пока нет. Данному слитку и посвящена представленная работа.

Предмет найден в погребении 1679 Тарасовского могильника I-V вв. н.э. Слиток представляет собой плоский брусок с округлыми углами длиной 24 см., шириной 5 см., толщиной до 1,5 см., трапецевидного сечения, изготовлен путем слива полученного металла в длинную изложницу. Следов последующей обработки слитка визуально не прослеживается. Анализ металла, проведенный на рентгено-спектрометре СПАРК 1М дал следующую картину: Cu 64,120%, Zn 35,715%, Bi 0,025%, Pb 0,016%, Ni 0,097%, Fe 0,027%¹³. Слиток представляет собой двухкомпонентную высокоцинковистую латунь. Бериллий, свинец, никель и железо, вероятно, перешли в сплав из руд.

Чтобы лучше понять значение данной находки, рассмотрим способы получения и области применения латуни в древних обществах. Латунь вошла в арсенал человека значительно позднее других медных сплавов. Связано это с тем, что цинк практически не встречается в природе в чистом виде и извлечение его из руд требует особого мастерства. Температура, при которой можно получить металлический цинк должна быть не менее 1000°C, но металл при таком нагреве находится в парообразном состоянии и в присутствии воздуха превращается в оксид. Следовательно, для получения цинка необходимо умение и технические возможности для конденсации металлического пара, причем в отсутствии воздуха, вероятно, в герметическом тигле. Описанный способ достаточно умозрителен, каких-либо археологических свидетельств о его применении не найдено. Поэтому следует обратить внимание на способность цинка восстанавливаться из цинковых руд в присутствии древесного угля при температурах ниже его кипения, что значительно упрощает процесс получения не самого металлического цинка, а процесс получения собственно латуней. Вероятно, этот способ и использовался в древности для получения сплавов с высоким содержанием цинка. Хотя в результате различных современных исследований содержание цинка в подобной латуни не могло превышать 28% (в нашем случае цинка содержится почти 36%). Получение же сплавов с еще более высоким содержанием цинка, по мнению А.А.Иерусалимской, ссылающейся на исследования М.Беккерта [Иерусалимская, 1986. С. 105], могло происходить при использовании самородной латуни – цинкистой меди, встречающейся в Египте, Индии и Юго-Восточном Причерноморье. В этих же районах осуществлялась добыча цинкосодержащих руд. Существовал и более простой способ получения латуней, а именно простая совместная плавка медных и цинковых руд, окисленных или сульфидных. Но латунь, полученная подобным способом, отличается низким и нестабильным содержанием цинка и к нашему случаю, вряд ли подходит.

Таким образом, получение качественных латуней – это достаточно высокие технологии, в основе которых должен лежать немалый металлургический опыт и, конечно же, наличие сырья. Последнее обстоятельство опять приводит нас к Индии, Египту и Юго-Восточному Причерноморью.

¹³ Автор благодарит Р.Д.Голдину за предоставленный материал и заведующего лабораторией геоэкологического мониторинга УдГУ В.М.Габдулина за помощь при проведении исследований.

Касательно применения латуни, достаточно сказать о том, что, уже начиная с римского времени, она потеснила бронзу в области изготовления украшений, бытовой утвари. Объяснение данному факту достаточно просто – изделия, изготовленные из латуни, имеют более высокую способность к сопротивлению вредным воздействиям окружающей среды, при литье латунь идеально повторяет форму модели, изделия имеют совершенные поверхности, то есть латунь отличается большей декоративностью, нежели другие медные сплавы. В некоторых случаях латунь заменяла золото: из высокоцинковистой латуни (аурихалк – «золотоподобная») во времена Августа и Нерона чеканились монеты [Фенглер и др., 1993. С. 154].

Обратимся снова к тарасовскому слитку. Химический состав показывает, что принадлежит он к тому же самому «золотоподобному» металлу. Вес слитка 980 грамм, что практически точно равняется весу трех римских фунтов ($327,4 \times 3 = 982,2$). Можно предположить, что он вышел из мастерских, связанных с римским миром. Хотя, настаивать на данном положении конечно нельзя, но в совокупности с другими материалами могильника, оно выглядит не так уж фантастично. Тем более, в нашем слитке отсутствует характерная для раннего и средневекового прикамского цветного металла такая примесь как алюминий, который фиксируется еще с приказанской культуры бронзового века [Каштанов, Смирнов, 1958. С. 4]. Причиной появления такой примеси является добавление при плавке меди в шихту криолита. Уже только по этому показателю металл можно определить как импортный.

Вообще, латуни на территории Прикамья встречаются довольно часто. Они распределены как по времени, так и по территории. Но, наиболее близки тарасовскому слитку предметы, найденные на Щербетском поселении (Республика Татарстан) [Сидоров, Старостин 1970. С. 235]. Это слитки-дроты, представляющие собой четырехкомпонентную латунь, с содержанием цинка до 30%, олова до 2% и свинца до 4-5%. Последние два компонента введены в состав сплава для придания ему большей пластичности и облегчения обработки. Судя по условиям находки – литейная мастерская, данные предметы явно служили сырьем для литейщика. Подобные же слитки найдены и на других синхронных памятниках региона. Например: в двух курганах Тураевского могильника (Республика Татарстан) найдено три таких предмета. Они представляют собой дроты квадратного сечения (примерно 1×1 см.) длиной до 20 см [Генинг 1976. С. 88, 97, 101], в пяти погребениях Покровского могильника (Удмуртская Республика) найдено семь слитков ($0,3-0,8 \times 0,4-1$ см.), длиной до 21 см. [Останина, 1992. С. 13]. Два стержня из цветного металла найдены в том же Тарасовском могильнике. Длина первого 18 см, диаметр до 1 см., второго – 23 см., диаметр до 1 см. К сожалению, из-за отсутствия анализов мы не можем сказать каков их химический состав. Хотя из-за стандартности их формы (длина около 20 см.) и веса (98-106 г.), некоторые исследователи склонны считать все эти предметы своеобразными монетами – товаро-деньгами [Генинг, 1976. С. 88; Мухамадиев, 2005. С. 66]. Данное предположение вполне возможно, но наличие рядом с щербетскими слитками бесформенных кусочков металла идентичного состава и наличие в сплаве олова и свинца, свидетельствует о том, что данные слитки могли быть и сырьем в литейной мастерской.

Как говорилось выше, цинк в сплавах Волго-Камья встречается часто. Но имеющийся материал относится к более поздним периодам. Да и судя по содержанию цинка, чаще всего это скорее уже предельный, а не «свежий» металл.

Таким образом, одна из существенных сторон тарасовской находки состоит в том, что в нашем распоряжении находится слиток металла, в котором сохранились исходные проценты содержания цинка в латуни в отличие от готовых изделий. Точно указать, откуда происходит данный металл, не представляется возможным. Но можно предполагать, что слиток происходит из мастерских, которые работали на территории, находившейся в зоне влияния Римской империи и ее металлургических традиций.

Возможно, данный слиток попал на территорию Прикамья в результате серии торговых обменов. Но в свете того, что ряд исследователей (Р.Д.Голдина, С.Р.Волков, И.Ю.Пастушенко) предполагает, что часть погребений Тарасовского могильника и ряда других некрополей оставлена группой или военным отрядом, пришедшими на террито-

рию Прикамья с запада или юго-запада, то данный слиток, вероятнее, попал в Прикамье с этим отрядом и был или платой за его услуги, или добычей. И происходит с территории Ближнего Востока или Причерноморья.

Ю.Б.Полидович

Донецкий областной краеведческий музей, г.Донецк (Украина)

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ ТРЕХЧАСТНОЙ ЖЕРТВЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Ритуал жертвоприношения, являвшийся самым важным действием в ритуальной практике древних людей, был обставлен разнообразными вещами, действиями, текстами и символами. В связи с этим, возможно предположить, что символика изобразительного искусства скифского времени также была связана с этим ритуалом. В частности, как символическое изображение жертвоприношения трактуются сцены нападения/терзания [Раевский, 1985. С. 226; Полидович, 2006].

Символически тема жертвоприношения отражена на бляхе VII-VI вв. до н.э. из Павлодарского Прииртышья [Акишев, 1976. С. 183-186; Полидович, 2006. С. 362] (рис. 1, 1), на которой воспроизведено 3 «лежащих» хищника, радиально расположенных вокруг небольшой свернутой фигурки козла. Подобные бляхи происходят из Пьяноборского могильника в Прикамье (рис. 1, 2) и могильника Илекшар-I в Южном Приуралье (рис. 1, 3).

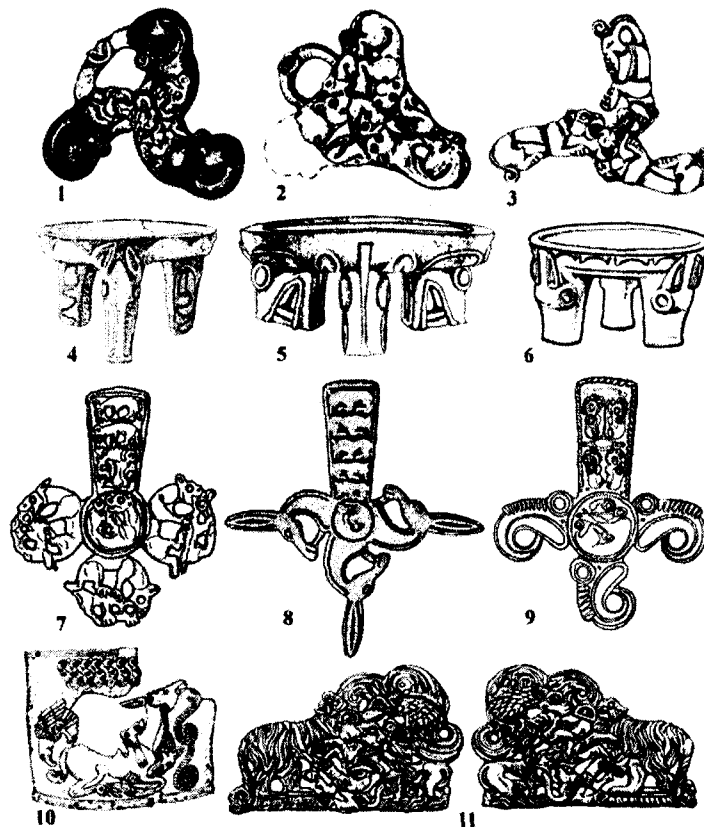

Рис. 1. Мотив трехчастной жертвы в скифское время:

1 – Павлодарское Прииртышье; 2 – Пьяноборский мог-к, Прикамье; 3 – погр. 4 кург. 1 мог-ка Илекшар I, Южное Приуралье; 4 – погр. 1 кург. 2 у с. Обручевка, Южное Приуралье; 5 – кург. 3 группы Бес-Оба, Южное Приуралье; 6 – кург. 1888 г. у пос. Черниговский, Южное Приуралье; 7 – Днепровская Лесостепь (из коллекции М.П. Боткина); 8 – курган у с. Енковцы, Днепровская Лесостепь; 9 – некрополь Ольвии, мог. 12 (1910 г.); 10 – погр. 6 кург. 1 у с. Ильичево, Крым; 11 – «Сибирская коллекция Петра I»